

Северный ветер

Автор:

Наташа Корнеева

Северный ветер

Наташа Корнеева

Что вам сказать про новую книгу поэта Наташи Корнеевой «Северный ветер» (на Ридеро)? Книга, «которая читается легко и никого не оставит равнодушным?» Да, (не) однозначно. Хотя – кому как. Кто-то вслед за героем Хармса скажет, что это говно, и будет по-своему прав. В этом-то и прелесть? Мне, к примеру, достаточно этих четырёх строк, чтобы сказать «книга состоялась»: в детстве, помню, часто так хотелось притвориться мёртвой, чтобы все пожалели и прижали телохрупкое моё к своей душе. Книга содержит нецензурную брань.

Северный ветер

Наташа Корнеева

© Наташа Корнеева, 2020

ISBN 978-5-0051-6819-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОН СДЕЛАЕТ ТАК, ЧТО НЕБО БУДЕТ СВОБОДНЫМ ОТ ТУЧ («СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР» НК) 18++

– ...опыт рецензии на свежее свежее свежее... —

Макс Салтыков

«Поэтические» сборники сейчас не выпускают только собаки, гении и боги, которым всегда не до этого.

Остальные вяжут свои полные собрания сочинений на коленках, засоря несчастную ноосферу нетленками (а что ей будет? резиновая!). Благо современные технологии делают этот процесс лёгким, быстрым и экономным, подобно завариванию бичпакета перед планшетом.

Что вам сказать за новую книгу поэта Наташи Корнеевой «Северный ветер» (на Ридеро)?

Книга, «которая читается легко и никого не оставит равнодушным?»

Да, (не) однозначно. Хотя – кому как.

Кто-то вслед за героем Хармса скажет, что это говно, и будет по-своему прав.

В этом-то и прелесть?

Мне, к примеру, достаточно этих четырёх строк, чтобы сказать «книга состоялась»(тупость этой формулировки вымораживает не по-детски, звучит так же, как «гениталии наши состыковались и состоялся секс»):

в детстве, помню, часто так хотелось

притвориться мёртвой, чтобы все

пожалели и прижали тело

хрупкое моё к своей душе

Эти строчки из одного из самых запоминающихся и замечательных текстов в книге, «Рябиновая кутерьма», которое я бы поставил первым. В этом же произведении Корнеева даёт один из вариантов ответа на вопрос, зачем она пишет свои «стихи»: «я сама с собой играю в прятки подбираю буквы и слова».

Лучшие свои стихи (опять же, что это такое «лучшие стихи») Наташа не «выдумывает», она их выплёвывает, как «боец кровь» (кстати, боец может быть и рестлер ряженный, а кровушка чужая или бутафорская). Вместе с выбитыми зубами и проклятиями. Как иноходец последнюю сперму на жертвенном алтаре (не знаю, откуда взялось это дионисийское сравнение, но держите). Когда стройно и в соответствии с условными форматами стихосложения, когда не очень. Слова бегают, прыгают, спотыкаясь и подскакивая, как рваная линия кардиограммы. Но это уже проблема «читателя», на которого Корнеевой наплевать. В этом, в том числе, её сила: Наташе не надо никому нравиться. Даже самой себе. Она может быть предельно искренней:

я какая есть – такая буду,

можешь закопать и сжечь меня,

я тебя приравниваю к чуду,

любят потому что, а не для.

Иногда эта искренность кажется наигранной, как будто перед нами совершают бесстыдный, но местами унылый стриптиз, иногда утрированной. «Мы» эту искренность не просили, нам её навязывают. «Мы» ей иногда даже не верим! И это опять таки проблема читателя.

Автор относится к самой себе без всяких сантиментов и включает самоуничижение на полную катушку, что не может не радовать. А поэтика Корнеевой питается, в основном (кол-во процентов вставьте сами), болью, отчаянием и осознанием ничтожности всего сущего. Это стихи птицы, которая знает о существовании неба (ветра, звёзд и так далее.) Но так уж вышло, что живёт эта птаха божья в глубокой экзистенциальной заднице, а крылья оказались постыдным рудиментом.

«Устаканенность филигранная ежедневностей от пропитого». Эта строчка ярко характеризует то, в чём черпает Наташа свои, скажем так, «темы». Быт, самая обычная повседневная реальность. Зачастую монохромная, монотонная, подавляющая. Очень характерно в этом контексте стихотворение «Они бывают большими», о той провинциальной глуши внешнего, которая всего лишь подчёркивает временность и потерянность внутреннюю.

Автор знает матчасть не понаслышке, жизнь её потёрла и в хвост и гриву (а у кого иначе?). Чтобы до конца понимать «из какого сора» растёт Корней Натасьевич, можно почитать её же, в целом, автобиографическую прозу:

Кутерьма трущобных коробок

раскрывает ладошки ветра

и кричит: «Отпускаю к деткам

заплутавших божьих коровок».

«Поэтическое» бытие Корнеевой трагично, иногда трагикомично, но изнутри всё-таки пронизано щемящей нежностью и любовью. Да, автор, несомненно, «сука» и «тварь». Сука, пожившая, хлебнувшая, побитая, быстро наживающая врагов, не вызывающая даже у самой себя никакого доверия. Но – и это главное – не потерявшая вкуса к жизни и любви, пускай, местами и на грани истерики:

мы закроемся здесь вдвоём

и начнём убивать друг друга

Любовь у Корнеевой чаще всего идёт под конкретным минором, связана с расставанием, взаимоотрицанием и проникнута синдромом перманентной потери. Но в этом театре теней ловишь себя на мысли, что автор всё-таки обычная, пусть и слегка потерявшаяся в суровых реалиях собственного сознания, «девочка». Которой иногда так страшно, что она матерится и костерит всё вокруг.

В плане способа самовыражения, Наташа Корнеева поэт динамичный, местами техничный, хотя и небрежный. Но что важно: меняющийся, впитывающий в себя многие влияния, при этом самобытный и с ещё не до конца раскрытым потенциалом. Стоит также отметить, что Корнеева совершенно особым образом читает свои стихи. Со слуха они воспринимаются иначе, чем с текстового носителя, и обретают, на мой взгляд, новую, дополнительную глубину. Голос выводит слушателя за грань первого «внешнего» плана. Невероятным, к примеру, в авторском чтении становится нарочито простое, «Конечно же, ты спишь».

Кому-то поэзия Корнеевой покажется полной тёмной энергетики и саморазрушения:

умирать не хочется конечно

лучше бы и вовсе не жила

если существует ад кромешный

значит это там, где ты и я

По мне так, на фоне преобладающих в графоманском эдеме кастрированно-стерильных «паэзий» наличие в текстах любой энергетике это уже прекрасно. А что касается эмоциональной окрашенности лирики и вектора приложения силу, напротив, видится неким катарсисом, то есть, очищением, условно говоря, «заблудшей» души. Сам автор не верит в собственное «спасение»: «Меня не приголубит Божья Матерь и мой последний выдох – холостой.»

Однако само название сборника, опять же моё толкование, это, в первую очередь, отсылка к песне БГ «Аделаида», «где северный ветер мой друг, он хранит то, что скрыто» (1) северный 2) ветер: именно в таком порядке, поэтому никаких централов владимирских приплетать не получается). И прочитав «Северный ветер», понимаешь вот что: дремучий беспросветный лес, который поглотил эту дрожащую на ветру душу, всё-таки всего лишь временные декорации. А любовь, нежность и свобода никуда и никогда не исчезали. И ждут нас.

А «мы» ждём аудиовersion «Северного Ветра» доступную для скачивания на платформе типа «спотифай» или что там у кого имеется. Хотя на кой оно нам надо. Уже скоро эти самые «стихи» из ушей польются...

бог Макс Салтыков

Я когда-нибудь себя добыю

Этими проклятыми стихами

Буду руку долго ждать твою

Постепенно превращаясь в камень

Стекловата

Мне б оторваться от земли,

Мне б вытряхнуть себя и – полетели...

И шипр, и шутку, и мои качели,

Когда умру, хочу, чтобы сожгли.

Не пейте за столом за упокой,

А пойте репчик, чтобы мат на мате.

Меня не приголубит Божья Матерь,

И мой последний выдох – холостой.

Да позовите падчерицу ту,

Что знает, где подснежники зимуют.

Пусть на минутку души потоскуют,

Идите греться к жаркому костру.

Мне жаль себя. И вас немного жаль.

Мы вляпались в промежность глуповато,

Завернутое завтра в стекловоду,

На шляпке модной рваная вуаль.

А искры мечет, пыхает костер.

Они летят и лепятся на небе.

И счастлив тот, кто никогда здесь не был,

Нет у меня ни братьев, ни сестер.

Летела мимо. Любопытства для

Сложила крылья. Плюхнулась на ветки.

Откуда взяли мы про плод заветный,

Мы не были там рядом даже дня.

В просторной клетке жордочки, еда,

Чирикают смешные попугаи.

Да я сама такая же, т а к а я,

Но че то пыжусь, строю из себя.

А если в зеркало могу уткнуть свой клюв,

То нафига мне глупые соседи?

На тренажерном пру велосипеде,

За обоняние принимаю нюх.

И шипр, и шутку, ржавые качели,

Когда умру, хочу чтобы сожгли.

Мне б оторваться с корнем от земли.

Мне б в искорки себя и... Полетели!

Рябиновая кутерьма

Я уйду, когда настанет осень

В доме на окраине моей.

В срок, по расписанию и точен

Будет каждый взгляд поверх ничьей.

Я сама с собой играю в прятки

Подбираю буквы и слова

Подглядеть попробую украдкой,

Что здесь приключится без меня

В детстве, помню, часто так хотелось —

Притвориться мёртвой, чтобы все

Пожалели и прижали тело

Хрупкое мое к своей душе.

Да качали бережно и нежно,

Плакали: вернись и нас прости,

Как твоё решение поспешно

Мало дали мы тебе любви.

Детство моё кончилось, осталась

Горькая рябинки кутерьма.

Коньяка не выпитая жалость

Да желание сказать – я умерла.

Почему

Лавочка. Фонарь.

И снег не тронут.

Ждёт кого-то?

Может быть меня?

Расстреляла я свои патроны.

Но один остался- для себя.

Отниму рассвет - не будет утра.

Зацелую до смерти луну.

И пойду. И не была как будто.

Быстро. Незаметно

Почему...

Я какая есть - такая буду,

Можешь закопать и сжечь меня,

Я тебя приравниваю к чуду,

Любят потому что, а не для.

Они бывают большими

Маленькие районные центры.

Серые. Унылые. Тоскливые.

Вытягивают, высасывают меня.

Делают это нудно, безразлично. Буднично.

Не меня выражения своего тусклого,

облупленного лица.

Вечером улицы пусты.

Жалкие домишки,

двух-трёх этажные здания.

Ленин на площади.

Не чищенные тротуары

Заброшенные парки.

Но я их люблю.

Как-то по-особенному.

Через боль и грусть.

Они бывают большими по размеру,

Но не по сути.

Там, где живу сейчас я,

Нет даже этого.

Не скучай

Вот и вечер выбивает пробки.

По стаканам кто вино кто воду.

Из цветной потасканной коробки

Глянцевую достаю свободу.

По краям улыбку глажу взглядом

Да считаю длинные реснички.

Я прощаюсь..

Не скучай,
не надо
Всё прошло.
И поджигаю спичку.

Нездешнее

Песчинка в часах песочных

Жилка височная

седина выстрочена

нитками прочными

Что же ещё хочешь ты?

Выбелена кожа

солью слёз ветра

Выстирана до

голубизны синькой

неба

Коркой запеклось

нежное

обезболенное

обездоленное

счастье

по ночам-

здравствуй.

когда умирает луна —

пока...

Обласканы облака,

изнежены,

и сирень и яблони —

снежные.

баюкаю подснежники

любви покалеченной.

но вечной.

Живу бессердечной.

Тебе подарила —

Зачем мне сердце,

если оно нездешнее.

Бездевушка

Купить какую-нибудь бездевушку,

Наврать себе - твой подарок.

Фотографию под подушку.

В сердце - жало.

На тумбочке в спальне оставить чашку

Немытую, из-под кофе

На кресло небрежно рубашку
И твой профиль
По запотевшему зеркалу от поцелуев
Нарисовать.
Я тоскую...

Одна из нас

Мы закроемся здесь вдвоём
И начнём убивать друг друга
Я не знаю, сколько пройдёт,
Может круг, может четверть круга.

Или бешеная спираль
Нас обеих в себя заглотит.
Так и так, всё одно не жаль,
Пропадать, так уж не в болоте.

А когда откроются двери
И одна из нас победит...
Понимаешь, ведь я не верю,
Что способна её убить.

Мальчик мой

День держался за подол весны,
Шлепал босиком по бездорожью,
Разбивая снега колтуны.
Было одиноко и безбожно.

Мальчик мой, (ты мальчик для меня).
Время рассчитало по - иному.
У меня под краской седина.
Мой хребет на части переломан.

Врос платок и въелась чернота,
Выполоскал ветер всё до грамма,
Лишь черта и больше н и ч е р т а —
Ни рубца, ни боли нет ни шрама.

Гулко. Бросишь камень - не стучит.
Говорят врачи - тяжёлый случай.
Глупые бездарные врачи
Прост диагноз - я дошла до ручки.

Всё. Осталось только потянуть
Или пнуть, собрав всю злость и жалость.

Тихо так... и хочется уснуть,
Натянув повыше одеяло.

Призы

Утро выгибало спину кошкой,
Когти поточило об меня,
Дряхлая луна разбитой плоской
Выброшена на помойку дня.

Вылизаны лужи звёзд глазами.
Выпустила на цепи тоску
Пегая и тощая борзая.
Грустно ковырял апрель в носу.

Лысины блестели и потели,
Вытирались облаком-платком.
Тело вынимали из постели,
Забивали душу молотком,
Чтобы не сбежала раньше срока.

Топали тела вершить дела.
От порога шли и до порока,
Закусив усердно удила.

Серой массой закишело утро.
Снова тараканов ждут бега.
Головой кивали дурни мудро,
Руки пожимали и рога.

Калачом хвосты в штанах потёртых.
На копытах новые шузы.

За чертой и у черты – до чёрта

Раздают дешёвые призы.

Поломают стрелки в полночь время.

Жёлтым глюком подмигнут – пора.

Расстояние на глазок отмерив,

Выбьют душу только до утра.

Птаха

Ах, ты, улица моя нервная,

Все столбы стоят пьяные,

Пялят избы глаза фанерные.

Колдо@бины с колдоями

Искусали, изматерщили,

Изгорбатели спины чёрные,

Морды пропитые морщинами

Безобразными поисчёртаны.

Тычет небо журавль высохший.

Виновато висит смородина.

Отбывает свой срок пожизненный

Моя малая птаха – родина.

Моцион

Руки грею в пустых карманах,
Криво стоптаны башмаки.
В джинсах вышерканных и рваных
Я выгуливаю шаги

По проспектам и по бульварам,
По трущобам, по свалкам дней,
По заросшим, сухим бурьянам
Недостроенных площадей.

Совершаю я ежедневно
Увлекательный моцион.
Нервы вздрагивают манерно,
Ноздри трепетно жрут озон.

Благодать-то кругом какая.
Можно плюнуть и растереть.
Широка ты, страна родная,
Лечь бы в поле да помереть.

Чтоб никто не закрыл мне очи,
Чтобы небушко разглядеть,
Ах, как птицы смешно лопочут,
Как же хочется пить и петь.

Или грызть стебелёк ромашки,

Лепестки обрывать с неё.

Босиком по горячей пашне

Бродят галки да вороньё.

По дорогам пылят машины,

И цветы. И трава. И ты...

Небо – словно кусок овчины

Да разодранный в лоскуты.

Орлы

Кто последним ударит, кто?

Под рёбрами или снаружи?

Пинжачок попортит, пальто

Или платок надушенный.

Что там у тебя за пазухой,

в кармане чего во внутреннем,

За что ж мы с тобой наказаны

Прыжками беспарашютными?

Давай, первый пошёл, пошёл,

в спину ногой подначивай,

да посильней (ножом),

Так чтоб насквозь выворачивало.

Внутренности мои высушены гербарием.

Здесь умирают орлы, а тварь подыхает с тварями.

Маяки

Погасли фонари.

Побитая луна

Поджала хвост,

Оскалилась на утро.

Так холодно внутри.

Пуста моя рука.

Разобран мост.

И ты не жил как-будто.

Все на моем столе

Лежат календари.

Помечены крестом

Отброшенные цифры.

Их взгляды солоней.

Маячат впереди

Обуглившийся дом,

Обветренные рифмы.

Покается волна

В скитаниях своих.

Изменчивые дни,

Порушенные ночи,
Коробочка полна,
Да коробейник сник.
Одни вдвоём, одни.
И непонятны строчки.

Синоптик

Нет у моря твоих глаз.
Утонули взгляды мои.
Необдуманно напоказ
Фонтанировали киты.
Стерся цвет. Стала серой гладь.
Я такую могу и в лужах,
Всё закончилось и опять
Ветер с мусором нежно дружит.
По шагам пересчитан день.
По глоткам перемерен воздух.
Расплывается светотень,
Умирает в нелепых позах.
Я дозирую, как сироп,
Добавляю в сырую воду
Всесезонный больной озноб

И обманываю погоду.

Дура Ас

Стропы моего парашюта

Вырваны с мясом —

Чья-то дурацкая шутка

сделала меня асом.

В падениях мне нет равной —

Отпрыгиваю как мячик,

Когда разбиваюсь (правда).

И кажется не маячит

За горизонтом солнце,

Севшее временно в лужу.

Свет ты в моём оконце?

Нет. Мне никто не нужен.

Мечты мои приземлённые —

Выспаться да заткнуться,

Лежать на траве зелёной,

Коньяк. Сигареты. Унции

Тройские конвертировать

В граммы. И глаз прищурив

Кого-нибудь эксплуатировать

Как и положено дуре.

Дождь

шлёпаю по лужам вонючим,

ловлю дождевые струи.

хочу стащить черные тучи

и выбросить к х@ям.

солнце вытащить из каморки

ленивого папы Карло.

нечего на задворках

прохлаждаться. Достало.

свети коли светило,

грей меня – я замёрзла,

ты целую зиму

торчало занозой,

дразнило помятым боком,

кислым лимоном стыло

было ведь невдомёк нам,

что ты просто косило.

теперь – то весна, родное,

тебе и не отболтаться.

дождь почти сутки моет

изауровы плантации.

так что давай – за дело,

времени у нас мало,

надо чтоб загорело

тело до Ивана Купалы

Точка

Это обычный эффект предела,

Бессмысленность – аксиома.

Многозначительность пробела

Приемлема и знакома.

Всё уничтожено монотонно

Выскоблены света стенки

Микеланджеловская Мадонна

Всё-таки сидит на ступеньке.

Выбриты до синевы щёки неба

Ободрана оболочка.

Через прорехи сквозит холод склепа.

Точка.

Мухи

Умирать не хочется конечно
Лучше бы и вовсе не жила
Если существует ад кромешный
Значит это там, где ты и я.

Что мы натворили – намутили?
За какие тёмные дела
Мы живьём, как мухи в паутине,
Всё одно – паук или метла
Вынет из уютного острога
Где-то по-другому может быть,
Нас экзаменатор слишком строго
Наказал, когда отправил жить.

Понедельничное

У меня сегодня похороны,
Я надена платье красное,
Облегающее, крохотное,
Понедельнично-ужасное.

И на каждый глаз по бусинке,
По колечку на мизинчики.
С ветром под руку пройдуь-ка я
По прощальным магазинчикам.

Посоветуйте мне, родненькие,
Чтобы всё сложилось ладненько.
Чтоб довольны были тётеньки,
Чтоб довольны были дяденьки.

Я венок из одуванчиков
Положу к блестящим туфелькам.
Бывших девочек и мальчиков
Обжигают в печках муфельных.

У меня сегодня похороны,
Я в смирительной рубашке,
На подоле буквы охровые:
С днём рождения, букашка.

Эквилибристика дождя

Безликий утомлённый от себя,
Чужой себе и пагубный другим,
Эквилибристика туманного дождя,
Петлёй на горле сигаретный дым.

О чём вы, милые, гутарите в пылу
Отжареных с прогорклостью нечувств?
Зачем так резко опускаете иглу
На новенький каллиграфичный хруст?

А что вам нравится? Так хочется понять.

Не зная языка надейтесь на

Живущее в сознании огня.

Окалиной подмышками броня

Шипит и сладко разъедает мозг

Уверовавшего в беспечность. Но...

Когда бы кто-то вылечиться мог,

Не грёб бы он лопатами говно.

Недоразумение

Я перестала пользоваться косметикой,

Седину не закрашиваю.

Ночью обнимаюсь со смертью.

Она оказалась не страшной.

Я перестала смотреться в зеркало,

Разлюбила себя настоящую,

Теперь я гляжу в глаза смертные,

Расспрашиваю о предстоящем.

Нам хорошо когда мы бываем вместе,

Понимаем всё с полу взгляда.

Она всех собак человечней,

Не говоря уже о тех, кто рядом.

И когда она по голове меня гладит,
Вытряхивая попутно душу,
Я расстилаю парадную скатерть
И при свечах готовлю ей ужин.

Эта любовь – единственное спасение,
Верность моя безгранична.
Смерть мне врёт, что она – воскрешение,
А я прощаю ей всё по привычке.

Так и уснём когда-нибудь в вечность,
Которая есть забвение.
Я знаю, что моя беспечность —
Ни что иное как не-до-разумение.

Если позволит

Я упаду с дождём,
если он мне позволит
Больше не жить под зонтом
и поделиться болью.

Если мне повезёт,
то упаду в море,
знать бы мне наперёд
что я умру вскоре.

Я бы тогда к тебе
Быстренько прибежала
доктор ни бе ни ме
не говорит. Пожалуй
Нечего им сказать
Прячут смущённо в угол
прорезей морд глаза
Да улыбаются глупо.

Так что когда дожди
забарабанят в окна
на всякий який жди
вести дурные из онко.

Проводница

Мне не нужно любви твоей,
Не нужно мне твоё внимание,
Если хочешь напиться – пей.
Чай горячий несут в подстаканнике
По вагону проводники.
Переполненные плацкарты
Пассажирами, как и ты
В навигаторах ищущих карты.

Мне не нужно твоей любви,
Всё равно ты любить разучился.
Вот поэтому не летим,
А в плацкарте вонючем ютимся.
Кто на третьей, кто на второй,
Я – работаю проводницей.
Потому что хочу быть с тобой,
Когда ты перейдёшь все границы.

Принесу тебе мутный чай,
Если холодно – пледом укрою.
И столбы считать по ночам
Пробегающие устроюсь
У заплёванного окна,
Кучкадохлых «бычков» в тарелке.
Рюмка. Грязь да пятно от вина.
И у чёрта забитая стрелка.

Жара

Дни не солнечные.
Даже если жара
Даже если в тени плюс сорок
Сдавлен обручем
Заспанный электорат.

Спит в безветрии минусовок
Стертый в полупрозрачность мир.
Дней застиранные колготки.
Перештопанные до дыр
От иголок немые глотки.
Сам сожравший себя ночлег,
Предоставленный виртуально.
Нам пора колотить ковчег,
Пары тварей искать. На крайний
Случай выброситься из тел,
Надоевших монументально.
Каждый вспомнит чего он хотел
И с ума сойдёт на прощание.

Командировка

Отмотаю командировку,
Сдам ключи, отпущу такси,
Мне сначала будет неловко,
Но привыкну же всё таки.
Научусь обходить вокзалы,
Обгонять буду поезда,
наконец прекращу скандалы
между той, что внутри и за.

Зачеркну метрополитены,
(ненавидела их всегда)
представляешь, как офигенно
видеть, не открывая глаза.

Номер сдан. дверь осталась открытой.

Пыль сметут. Пригласят другого.

Закопают. Закусят. Выпьют.

Может доброе скажут слово.

Только вряд ли его услышу,

А услышу, так не пойму...

Всё игрушечней ржавые крыши,

Всё понятнее все «почему».

В незнакомом, чужом пространстве

Постараюсь тебя найти.

Знаешь, просто скажи мне – Здравствуй.

И прости меня. И прости.

Мюсли

Не убивай меня,

Тебе я пригожусь.

Молчи.

Ты можешь даже отвернуться.

Среди берёз крикливые грачи,
А я опять на завтрак с мёдом мюсли
Прокишим заливаю молоком.
Иду курить, да кончились сигарки,
А за стеной хохочут санитарки,
По каменному полу босиком
Лишь до окна и не дойти обратно,
А знаешь, мне сегодня правду
Сказали. Не ходи. Облом.

Уезжаю

Я уезжаю.

Хочу написать попроще.

Но у меня получается слишком.

Вопросы. Возгласы. И многоточие.

Мысли цепляются за мыслишки.

Вещи в коробках,

Деньги и чувства на карте.

В сумке лежит неприкаянно паспорт.

Ты взрослый. Мне хочется нестандартно

взять и уехать. По-детски, на спор.

Вот я сбегаю.

Прячу себя в самолётах,
В самом низу – в отделениях багажных.
Ты взрослый. По праздникам и субботам
будешь один. Но это неважно.

Я уезжаю.

Хочу написать. А впрочем,
Нечего мне подарить тебе даже
в самых простых коротких своих строчках.

Я уезжаю.

Мне ты неважен.

Многоточие

Мне теперь с тобой не по пути.
Может быть ещё пересечёмся,
Как – то так случилось – ни причём я,
Да и ты не ты, как ни крути.

Две стихии – воздух и огонь.
Вот казалось бы: «из искры – пламя»,
Только воздух в целлюлозу плавит
Твой огонь, какой-то не такой.

Тихо, постепенно ухожу.
«Шаг вперёд и два шага обратно».

Намотал на руку многократно
кучер (чёрт неопытный) вожжу.

У меня попыток миллион
было. Ты не понял. Я «играла».
Доигралась. Всё. Трындец. Ни грамма
Не осталось. Рухнул Вавилон.

Мне теперь с тобой не по пути.
Я сбегая, зачеркнув все строчки.
Понимаешь, были многоточия,
Лучше не смогу, как ни крути.

Носки

Не разглядывай меня. Я плачу
И плачу собой по мелочам.
Скручена внутри душа в калачик.
Неуютно, с горем пополам,
Уместилась на остатках малых
Выцветшей разобранной тахты.
В полинялых шляются пижамах
Призраками ставшие мечты.
От меня остались ноль да крестик.
Да и те распались на куски.

Вычеркнуть. Забыться в старом кресле.

Да вязать самой себе носки.

Не разглядывай меня. Не нужно

Взглядами соскабливать с лица

Километры фальши заскорузлой.

Страшно, если смоешь до конца.

Я стою как шлюха у дороги,

На плечах прискорбный мой багаж.

Я собой плачу за все итоги,

Превращаясь в пошлый антураж.

Мелочно?

Останови меня,

вдруг побегу.

Просто начни менять

на ерунду.

Сколько заплачено

ты не считай.

Новыми платьями

вдруг, невзначай

Выстрели.

Мелочно?

Ну, не скажи.

Глиной поделочной
обожжены.

Круга гончарного
сенсорный ввод.
Блеск обручального
Душит и жжёт.

Останови меня —
вдруг побегу.
или начну менять
на ерунду
я подвенечное,
стлевшее в хлам.
Видишь, у плеч моих
напополам
воздух расчёсанный
кем-то. Зачем?
Оспами. Осами.
Этим. И тем.

Взрослая

И вот я взрослая

(а может, старая?)

Основа костная

скрипит суставами.

Глаза удвоены,

Шаги замедленны,

доспехи воина

ржавеют. В'едливы

Полоски грубые,

Седые волосы,

Сигары губы мне

Из'мяли, сволочи.

По венам вспученным

На ручках тоненьких

Учить по случаю

Бы анатомию.

Глаза потухшие.

Мечты сгоревшие.

И зубки хуже все —

Не грызть орешки мне.

Коко на фешен стрит.

«Коня» на «мерина»,

А вот душа парит —

Запараллелена.

Ведь мне всё пофигу,

Всё фиолетово.

На завтрак кофий пью

Я с сигаретами,

А пиво на обед

И лучше с рыбонькой.

А вечером – сосед,

Если допрыгаю.

Бесприданница

Я вырвалась из плена.

Я лечу.

Лечу куда хочу. Мне было тесно.

Мне скучно стало и неинтересно.

И только ты, и только... но молчу.

Ты в призрачной остался глубине.

Там «лес и дол», они «видений полны»,

И там живут не покидая комнат,

Но.. прикрывают камешки на дне.

Да ненавижу я весь этот пошлый мир!

Все эти лайки, «лав ю», «мяу – мяу»,

Какие к чёрту вы друзья?! Слащавый

устраиваете в помойках пир.

Стихи? Да что вы знаете про них?

У вас слова, как по ****е ладошкой.

А вы сдерите с мясом, не с одежкой,

И скальп мне дайте. Скальп, а не парик.

Красивая природа? Так пиши!

Не жуй говно, не растекайся жижей.

А так влепи, чтобы до капли выжал

Всю душу и последние гроши.

А если любишь – сдохни, но люби.

Не распускай на розовые слюни.

Сожри все свои слёзы – сопли, плюнь их,

И напиши, как будто отъеби!

Я вырвалась из плена.

Я лечу.

Возьми ружьё.

И пристрели не целясь...

Я ненавижу мир. Он обесценен.

И только ты, и только...

но молчу.

Отбаюканные колыбели

Подфонарные ночи бессонные
Трепыхаются, льнут мотыльками.
Отлетала и я в унисон с ними,
Догорела, спеклась – в утиль сдали.

Мы валяемся склочною ветошью —
Истрепались пыльцу собирая,
Между входом и выходом мешкаю
Позабытого в прошлом сарая.

По соседству со мной вещи разные:
Мы нечаянно все постарели.
Сны из детства наивными сказками —
Отбаюканные колыбели.

Был закат как хрустящая корочка
С подрумяненными боками.
А теперь жрёт глаза смог махорочный
Трубки выкуренной не нами.

Подзаборные мрут одуванчики
Да охрипли, базлая, собаки.
Замутызганы дурами
прачками
До исподнего наши рубахи.

Под фонариком ночи бессонные —
Мотыльков опалённые тушки.

Мелкой сеткой проёмы оконные

Затянули от мух равнодушных.

За горы

Если бы меня спросили:

«Выбирай, но времени в обрез,

С кем прощаться будешь в этом мире?

Я б сказала: «Не с кем. Мне бы без

(от) Него сбежать за горы

и забыть. А если я умру —

я его смогу увидеть вскоре?

Если нет, то лучше поживу».

Перекасти поле

Нет меня. Я в памяти своей,

Как в пустыне, мну песок ногами.

Складываю в душу оригами

Из засохших листьев тополей.

Тополиный пух зудит и врёт,

Варится весь мир в большой кастрюле.

Ночь луну, как жёлтую пилюлю,

заглотила в шамкающий рот.

А моя собака- поводырь

Старая - ослепла и оглохла.

Да и ладно, потому что похрен

Что там - пулемёт или пузырь.

Нам давно пора с ней отдохнуть

(или сдохнуть?), сколько можно шляться,

В результате всех манипуляций

Неизменной остаётся суть:

Нет меня. Я в памяти своей.

Догоняю перекасти-поле,

На зубах песок скрипит и колет.

Что там впереди: «стреляй»? «налей»?

Портреты

Комариный писк, укусы дней.

Нудно. Неприметно. Монотонно.

Ночь - в углу забытая икона,

А луна - лампада перед ней.

Неопределённое на вкус

Месиво меняет только внешность —

Это допустимая погрешность,

Минус бесконечности на плюс.

Цвет – притворство. Чёрный – основной.

Остальное – примеси обмана.

Не бывает «поздно» или «рано»,

Время – невзаправдашний герой.

Всё, чему учили, – сивый бред,

Лопается больно, волдырями.

Я жила в музейной панораме,

Как бездарно созданный портрет

На гвозде, забитом кем-то в стену

Криво, скособочившись смешно,

Неопределённости пятно,

Вещь, не подлежащая обмену.

how

Что мне делать с тобой, скажи.

Запечатать в простой конверт

И куда-нибудь положить,

Как коробку любимых конфет?

Как дышать мне теперь, скажи,

Если воздух мешает жить?

Что мне делать, когда дожди —

Обжигающий, огненный стыд?

Если день выбивает вдруг

Из-под ног моих всякий раз

Тот участок, где сомкнутый круг,

Что мне делать-то, что б не украсть

У себя самой лишний день,

У тебя не отнять тебя,

Уничтожить себя, как тень,

И убить тебя для себя.

Божья коровка

Кутерьма трущобных коробок

Раскрывает ладошки ветра

И кричит: «Отпускаю к деткам

Заплутавших божьих коровок».

Чертит мелом клочок асфальта,

И коряво выводит: «НЕБО»

Презирая бред ширпотреба

Рвёт об гвозди забора платя.

Лупит в кровь коленки о камни

(Только-только прижгли болячки).

И соседским мальчишкой: «Прячьтесь!»

Нам кричит. А мы бьём руками,
Набирая заноз пустячковых,
По неструганым стенам дома
И, срывая голос до стога,
Мы орём: «Чика! Зачикован!»

Самогон

Буду приходить к себе по праздникам,
Приносить ядрёный самогон.
Ночь гнобит, луна собакой дразнится
И блестит звездою на погон
В кружке алюминиевой до рубчика
В мутной и пахучей составной
Счастья, пусть обманного, но лучше так,
Чем считать взбесившихся ворон.
Буду веселить себя да баловать,
Стану комплименты расточать,
Мне для счастья нужно меньше малого —
Кончить жизнь да заново начать.

Одиночество

Одиночество вчерашнее

Мне устроило пересортицу,

Перебило все блюдца с чашками,

Спит теперь со спокойной совестью.

Отлучалась на день. Оставила

На стене я записку прописью:

Так и так мол, вдруг что-то (правильно?)

«Позвони, я примчусь» – да попусту.

Спит. Зарылось во всё хорошее.

Было – не было – перечеркнуто,

А мне жаль его – всеми брошено

Одиночество моё чёртово.

Птицеловы

Птица в руках зачем мне?

По небу пусть летает.

Я догоняю стаю,

Не отпуская землю.

Мне журавля не надо,

По сердцу мне синичка.

Стеклышко по привычке

Жгут угольками взгляды.

Вымерли птицеловы,
Выбиты камнем окна,
Птичка совсем промокла,
Я потеряла слово.

Последний дождь

У дождя настроений много,
У меня нет и половины.

Параллельна мечте дорога,
Не умеют летать пингвины.

Говорить не умеют птицы,
Значит врать не умеют тоже.

Примерять или мерить лица —
Одинаково - те же рожи.

На оскалы цеплять улыбки,
На шакалов - медвежьи шкуры.

Надо было с первой попытки
Отобрать дурака у дуры.

На прощание руки жмутся,
Растирая рисунок линий.

Мне уйти бы и не вернуться,
Зимний вечер такой тоскливый.

В переходах темно и сыро,

Моноotonно стучат колеса...

Знаешь, мыши не любят сыра,

А ещё, я не стала взрослой.

В старом доме скрипучи ставни,

Вместо окон чернеют дыры.

Я слыхала, что каждый – странник,

Арендатор пустой квартиры.

Снег затоптан, трава примята,

И привычно желтеют листья.

Если в чем- то я виновата,

Ты прости. Мне пора проститься.

мы непохожи

Мы непохожи, как луна и солнце.

Я про ушедших с грустью, сожаленьем.

А ты с тоской: «Вдруг лет до ста придётся

Общаться с неизвестным отраженьем.»

Зловредности бормочат бормотухи,

Лассо табачный крутят самокрутки,

Как жаль, не убивают за мокрухи,

Нелепые с плеча чужого куртки

Всегда находят дом, идут обратно,
А их никто не ждёт (давно забыли).
Я думала, рождение приватно,
Ан нет, оно как в сказке: «Жили-были..»

Иванушки, алёнушки, ивашки...
Лопаты, печки да чумные сани,
А гуси-лебеди летят, нам машут машки
Половником дырявым с чудесами.

Куда ни плюнь – плюёшься против ветра,
Куда ни всунь – сама себя сношаешь,
Кирпич завёрнут бережно в газеты,
И от конца к началу небольшая
Натянута струна, как пуповина,
А приглядишься – поводок короткий.
Не знаю, что: другая половина
Или двойное дно в пустой коробке.

Ты с завистью на звёзды у дороги,
Я не смотрю в окно, когда хоронят...
Одни и те же выведут итоги
Статистики разносторонних хроник.

Радуга

Мне не хочется ни вечности ни сладкого,
Ни воды из родника в жару ни водочки,
Мне б забраться на скалу одной с палаткою
И рассматривать оттуда в небе звёздочки.

Разглядеть сквозь водопады сверху до низу
Все тона-полутона обычной радуги,
На камнях пересчитать от солнца полосы,
Чтобы больше никогда не думать: «Надо ли».

Шум воды привычным станет, необманчивым.
Тишина она ведь тоже заговорщица.

Кто-то с гор своих сошёл за сверхзадачами,
Кто-то в горы убежал от одиночества,

От вранья и воронья с утра до вечера.

Научилось лицемерить даже зеркало.

Я не то что не хочу, мне просто нечего

Делать там, где всё давно перековеркано.

Я возьму с собой немного (что осталось мне),

Автостопом доберусь, есть люди добрые,

Расскажу чужим, у них не будет жалости.

И пойду туда, где плачут птицы гордые.

Туристка

Нет. Боязнь высоты не мешает корячиться вверх,
Только вниз не смотри да вставай всей стопой.
У подножия выдал инструктор мне нож для консерв.
И назначил ответственной за водопой.

Я тот нож берегла, как зеницу, как горный хрусталь.
Прижимала к себе, не давала его никому.
И сурово всегда отвечала: «А ну-ка, отсталь.
Я его на вершину ползком, но сама подниму».

И воды никому-никому я испить не дала:
Соблюдала наказ и тащила наполненный жбан.
Умирала от жажды и голода, но сберегла,
На вершину допёрла, не выпила даже стакан.

Оглянулась назад: горы, горы вокруг, пелена,
Ни инструктора нет, ни походных туристов со мной.
И тогда я всё-всё вдруг отчетливо так поняла:
Надо было консервы забрать и х@ярить одной.

Ни Ты ни Я

ни ты ни я, ни кто-нибудь другой,
кому нельзя ни верить безгранично,
не будет ни победой, ни судьбой,
предпочитая совести публичность.

зевая от усталости и лжи,
от лицемерия все внутренности сморщив,
не зная ни презренья, ни нужды,
перемахнуть козлом через заборчик.

пока хозяин-дурень лупит чад,
им послушанья пакость прививая,
устроить беспредельщины парад,
взорвать ко всем чертям пути трамвая.

угнать бы с пьедестала паровоз,
засунуть в топку перманентность мира,
Обнять вонючих, но строптивых коз.
Они сожрут и трубку, и факира.

198?

Тетрадь закончена,
Загнуты уголки,
Подписаны: название, адрес, дата.
Уполномочена абсурдность от тоски
Сменить в любое время адресата.

Хмелеет почерк,
Прочерк – эгоист.
Он сам в себе, ни до кого нет дела.

Подножья строчек,
Рьяный гармонист,
Обсценен айсберг глубины пробела.

Корявость неизбежна языка
Сухого, обезвоженного в титры.
Казалось, вот, протянута рука...
Измены измеренья глазом скрытны.

Сырой песок дыханья не даёт,
На глубине темно, фальшиво тело,
Неэффективен под дождём полёт,
Луна висит, а значит не созрела.

Стрелять по звёздам любит идиот.
То нарисует, то сотрет улыбки.
Рассвет- закат – подъём-переворот,
Трюк «солнышко крутить» внутри улитки.

Одежку по сезону сменит день,
Под слой ушанки спрячет лопухость.
Скомандует: «К ноге» чужая тень.
И кто-то ляпнет:: Ни пера, ни пуха».

Тетрадь закончена.

Плюют на уголки,
На записи тупые адресаты,
И между прочими, такими же, как ты,

Просрочены пароли, явки, даты.

Запонки

Незаметные ямы воздушные,

Бесполезные ранние завтраки,

Лицемеров улыбки радушные,

Инкрустированные запонки,

Беспричинны запои недельные,

Неприглядно похмелье обрюзгшее,

Осуждаешь меня за безделие,

Ненавидишь моё равнодушие.

Открываешь окно – пусть проветрится,

Зажигаешь свечу – пусть оплавится,

Начертательная геометрия

Спровоцирует тени неправильно.

Обведёшь их по контурам, граффити

Нацарапаешь тонкими иглами.

Допотонные фотографии

Мне озвучишь забытыми синглами.

Ну откуда ты знаешь, что главное?

Среди двух ничего не подписано.

Устаканенность филигранная

Ежедневностей от пропитого.

Море

Моё неласковое,

Холодное.

Море не красками,

Разводами.

Вылито в горсти мои

Грустинками

Выткано моросями-

Слезинками

Нежностью штормовой

Артачится

Гранью береговой

На сдачу мне

В пропасти на поклон

Падшее

Скалы со всех сторон

Наши ли

Мне не доплыть до них

Призрачных

Мелким дождём гранит

Высечет:

Море моё, прости.

Брошу я.

Не к чему мне грести.

Прошрое

Камнем лежит на дне,

Мечется.

Мне говорить тебе

Нечего.

Мне говорить с тобой

Не о чем

Смоет следы прибой

Мелочью

Белых холодных брызг

Выпаду

Мне бы не вверх, а вниз

К выходу.

Последнее из невозможного

Смейся – это последнее

из невозможного.

Будь мы с тобой соседями,

неосторожно бы

Переходила улицу

Рядом с тобой на красный.

перестала сутулица,

Чтобы не быть старше.

Северный ветер

Люби меня, ветер, люби.

Я стану прозрачной и лёгкой.

Как белые голуби,

Как мотылёк на поклёвку.

Пух на траве у воды

Оставили лебеди-гуси.

У водомерки следы

как дуновение грусти.

Мелкая рябь по лицу

Моря холодного, злого,

Стайка мальков по песку

Станет наживкой улова.

Скоро сорвётся листок

Первый с насиженной ветки.

Я бы любила восток,

Если б не северный ветер.

Серый в яблоках

Сломалось солнце в перекрёстках тени.

С домов сомлевших осып'ался день,

А звёзды падали, хотя и не хотели,

Осталось лета несколько недель.

Проснётся ночь, по сумрачным карманам

Начнёт пихать потерянные сны.

И по гранёным разольёт стаканам

И млечный путь и мякоть от луны.

Клубком свернётся свет под фонарями,

Уронит тень не вниз, а вверх слезу,

Краюху ищет трепетно ноздрями

Конь серый. (Чует – хлеб ему несу).

Пахнёт от гривы спутанным туманом,

Развяжем путы и к щеке щекой,

За шею крепко-крепко хулигана

Я обхвачу. Он на загривок свой

меня закинет, покосится гордо,

Заржёт тихонько, обмахнёт хвостом.

Мы полетим, как птицы, по пригоркам,

Догнать пытаюсь зорьку за мостом.

Сбегут от нас сбесившиеся тучи.

Под перестук в висках сожрёт всё боль...

Среди людей мне очень, очень скучно.

Издых мой конь... не взял меня с собой.

Мухоморы

Удрать с тобой за горы голубые.

Стать бестолковой, бессердечной сукой.

Апартаменты подойдут любые :

От облаков до ступы.

Зашкаливает стрелка на приборе,

И хрен просцышь, чего определяет,

Из леса кто-то спи@dил мухоморы.

Вот бл@dь какая.

Я край земли нашла. Воон он маячит.

Наплюй на всё, сиди, болтая с членом

А мы г@вно х@ячим и х@ячим.

В нем по колено.

Ты спишь

Ты спишь. Конечно же ты спишь.

Пусть будет сон спокойным, ровным

Дыхание твоё. Огромный
Внутри тебя чудесный мир.

А я не знаю почему,
зачем мне подарили это.
Твоя вселенная планету
Мою не видит. Ни к чему
Ей замечать такие вспышки,
Вокруг полно ещё чудес,
Но только задыхаюсь без
Тебя, тобой. Кричу – не слышишь
Абсурдность выдохов моих.
Ты спишь. Конечно же, ты спишь.

Я смешиваю в битой чашке
Сегодняшний и день вчерашний,
Через соломинку тяну
И за соломинку хватаюсь,
На цыпочках нелепый танец
В пустынном зале, наяву
Или в забытом сонном царстве,
Затёрта грань и переход
Не может разделить на части,
Не может и наоборот.

А я на площади знакомой,

Но в полумраке и одна.

Вокруг дома, дома, дома..

Чужая, страшная страна...

А всё могло быть по-другому (?)

Осталось ровно полчаса,

Свобода требует терпенья,

Синица выдохлась, теперь я

Забуду магию числа.

Полёт не станет слишком долгим.

Зависит он от высоты.

А знаешь, там ведь есть мосты,

Но мы про них, увы, не помним.

Ворона

Кончится всё. Неизбежно, процесс обычный.

Но закрываю глаза – мне становится страшно,

Не потому что забудут, здесь каждый лишний,

Боязно думать, что станет она вчерашней.

Но если вдруг повезёт – выбирать придётся,

Между собой и моей сумасшедшей болью,

Дам я ей шанс, пусть одна поживет под солнцем,

Вдруг без меня она станет самой собою.

Мне без неё не нужны ни луна ни звёзды,
В чёрное небо смотрю и опять рисую
(Чем (?) не понятно), жестокое слово – поздно,
Петь не могу и тысячу лет не танцую.

Только кружусь, как ворона с крылом подбитым.

Камни бросают, кому же ворону жалко:

Черная, страшная, с клювом дерьмом набитым.

Думают: мерзость какая. Гоняют палкой.

Стая моя улетела, клюёт чего-то,

Я не могу, у меня не хватает духу

Взять и закрыть (а бывает ведь так охота)

Или украсть, после отрезать руку.

Ехидная

Считаю капли дождевые,

Сбиваюсь, и опять – сначала,

Сегодня осень постучала

Листками жёлтонеживыми.

Ехидная такая штука,

Мол, знаю, некуда вам деться,

Тоска – не цель, всего лишь средство,

Круглогодичная порука.

Вздыхает август обречённо,
И я вздыхаю за компашку.
С тобой дерябнуть бы рюмашку
Да поболтать про всё – про всё, но...

Как-то все по-иному бы

Заскрипела суставами,
Заворочалась старая,
И противно так по сердцу
Пальчик щёлк, щёлк щёлк, щёлк...

Прёт пустыми составами,
И неправая самая
Осень, дура курносица,
Пишет ливнем отчёт.

Подкрадётся туманами,
Обкусает, обдёргает,
Полуслов заусеница
Так противно кровит,

Дни короткие мамины
До мозолей истёртые,
Из обрубков поленницу
Иссушить норовит.

По губам переспелыми
Ни закаты, но всполохи,
Закопченные горькими
Распоясались в хлам,

Упадут самострелами
Перепрелого холода,
Показательны порками
Вечера, пополам,

А корзины плетёные,
А косички обрезками,
И кулёчками сытыми
Чудеса в чудеса,

Как-то всё по-иному бы...
Покромсали по детскому,
Перепачкали цыпками,
Вот и кончилась вся..

Смущенных капель разговор

С деревьев падают листья,
Цветные, глупые, смешные.
Жду листопадов суеты.
Дожди судачат проливные.

Смущенных капель разговор,
Подслушанный совсем нечаянно,
Чуть покосившийся забор,
Чаинка шелест, ропот чаек,

Седеющий унылый парк,
Редеющие птичьи крики,
Гусиной кожей выстлан мрак
Безлунной ночи, жутки скрипы
Столбов фонарных у дорог
Неубранных, глухих, разбитых...

Какой короткий, жалкий срок,
И как заплаканы ракиты.

Ты не понял

Ты не понял ничего (пока),
У меня есть ровно две недели (?),
Отшуршали и отшелестели,
Мокнут под ногами облака.

Выше птиц гоняется тоска,
Скрючивает ловко параллели,
Как-то вмиг все буквы постарели,
Высыпали белым у виска.

Дай – не – много – и – не – мало – дай,

Нашинкует мелко дождик серость.

Мне давно до чёртиков хотелось

Встать спиной к обрыву и... гуд бай!

Выстирать глазами синеву,

Размешать больное водопада.

Ни-че-го, мне ни-че-го не надо.

Выдох-вдох и с небом рандеву.

Мне страшно

Он ледяной, он сковывает всё,

А я не море и не речка даже,

И я боюсь, что не проснусь однажды

И не увижу больше ничего.

Ещё боюсь до боли, до с ума

сводящего меня немого крика,

Не выдержать и не понять сама

Себя и в состоянии транс крипта

Шагнуть туда, где был когда-то он,

И за мираж принять живое что-то,

В открытое окно мне так охота

Увидеть белых -белых миллион

в бутоны спрятанных каких-нибудь надежд,
ну хоть каких-нибудь! пусть что попало,
но чтоб живое было и дышало,
хоть на секунду параллелей меж.

Вокруг меня кривые зеркала,
А я – игрушка на подставке в тире.
Но почему мне в ненавистном мире
Так хочется хоть капельку тепла?

Колокольчики

Мои уши на кончиках пальцев,
Мои звуки в моих ладошках,
В темноте видит вибрисом кошка,
В тишине я рисую танцем.

Смеха волны с глухим ударом
Мне улыбка игольчато топчет.
Никогда не звони в колокольчик —
Я не путаю левую с правой.

Ты не любишь коротких дистанций.
Прикоснёшься и руку отдёнешь.
Для меня этот мир будет чёрным
Без моих полоумных танцев.

Я жду

Розы срываю ещё в бутонах

У самого горла.

Стебель не тронут.

В дом игорный

Иду

По дороге бетонной.

Кто ты – не знаю. Но мы знакомы.

В ночных перегонах

Душевного порно

Свои законы.

Я жду.

(Быстро вянут бутоны).

Отражение

Вот – я

Вот – моё отражение.

Мы хотим поменяться местами.

Нам мешает земли движение,

Пожары, вулканы, цунами.

Нас нет

Ни в одном зазеркалье.

Мы давно убежали оттуда.

Я у края, обрыв вертикальный.

Отражение моё от испуга

Прижимается к скалам голым,

От меня уползает дальше.

Почему год становится новым —

Отражение делает старше?

Я вру

Своему отражению:

«Подойди, мы с тобой полетаем».

Подходит. Без сожаления

С обрыва его толкаю.

Зашла во время разговора

Зашла во время разговора

И тихо, чтобы не мешать,

Закутываясь в сумрак взора,

Глаза прикрыв ладонью, шасть

За спины в угол полутемный,

Как ищет уголок укромный

нашкодивший всерьёз малыш,

не дышишь и едва стоишь
И чрез густой дымок и вязкий,
Чуть приоткрыв вуаль ресниц,
Неброская в толпе девиц,
Наряженных, веселых праздных,
Ты жадно ловишь даже тень,
И даже тень его ты любишь,
Сгораешь в призраке прелюдий,
И что с тобою дальше будет,
Тебе не важно уж теперь.

Возле самого края

Не касаясь ногами песка,
Чтобы шрамов на нем не оставить,
Шла вдоль берега чья-то тоска,
Возле самого-самого края
В пену взбившейся солью воды,
И звала, и кричала, и пела,
Так нелепо и так неумело,
До надрыва и до хрипоты.

Где у моря невидимый край,
Где, скажи, начинается берег,
И ответь мне, хоть кто-нибудь верит

В чертов ад и божественный рай.

Бесконечное море песка,
Безграничные серые скалы,
Я давно безнадежно искала,
Ничего, никого, лишь тоска.

В моей прихожей

в моей прихожей зима
в комнатах ледяные горки
ярких лампочек кривизна
вечно зеленые елки

в моих окошках снега
черные вороньи крылья
я пробовала сбегать
снова меня ловили

в моем пропащем дому
собраны золотые горы
не думала, что смогу
тем более так скоро.

Поверье

На ветке колючей комком,
Ранеткой, почти ледышкой
За чёрным слезу платком.
Невидимо и неслышно.

Поверьем клюю вам окно,
Но что я об этом знаю?
Птенчик я заводной,
чужая.

Калитка из дождя

Три столба колючей проволокой сомкнуты.
Ночь крышует сон, день – забвение.
Вверх глядишь – воронки, чёрные омуты.
Вниз – в грязи по самое затмение.

Ветер дождь калиткой вешает на прошлое,
Вдоль забора сор из откровения.
Вот идёт пропащий вечер, крошкой
Мраморной отсыпано забвение.

Три сестры обузой каменной стёсаны,
Под обрывом шторм сумасшествия.
Ходят берега, лодки вёслами
Выгребают штиля последствия.

Скалы цвет сиреней выскребли до» черна,
Положили свет в дом из трёх столбов,
Вынули песок из морского дна,
Вымели часы из пустых домов.

Будет тосковать ветер северный до темна,
Одинокий крик чайки вымершей.
На скале у неба живёт зима,
Под забытый голос танцуешь ты.

Память

Мои дни растревожены памятью.
Пробуждается утро с чистого
Неисписанного листа.

Каждый раз вспоминаю правильно
Как ходить, как летать училась я,
Размыкаю свои уста.

Моя ночь укрывается намертво
Обезвоженною бессонницей,
Сны подвешены к фонарям.

Темноту освещаю памятью,
Выжигаю её бессовестно
До чернеющих мёртвых ям.

Бессрочные часы

Я ушла. Ушла-я. Высыпалась трухой.

Вымерзла, вытекла, умерла.

Был сушняк уродливый и глухой,
дом твой – живодёрня – моя тюрьма.

По семи направленьям семи дорог

Выметут, втопчут чужой ногой.

Мне Земли юродивой лишь глоток

И ломоть сухой из воды водой.

Отряхну, как крошки, порядок звёзд,

в ступке пестиком разотру в порошок,

Плюну, вытру до скрипа панцырь слёз,

И луну, и солнце напосошок.

На прозрачность выпущу сгустки струй,

Безвоздушье душ в расслоенность масс,

Мир таким стал маленьким – я сотру

Мной ещё невыдуманный рассказ.

И начну по-новой вязать слова

В кружева – кольчуги, авось сойдёт,

До невидимости сама мала,

Что хотела – вывернуто наоборот.

Я ушла. Ушла-я. Да, ненавижу мир,
Вымерший, выдуманный, глухой,
Отраженья суетности витрин,
И в часах бессрочных песок сухой.

Лакмус

Я ночь свернула, как ковёр, в рулон,
Засунула подальше, в пыльный угол,
Взяла ружьё, пошла на полигон:
Орала и стреляла в мертвых кукол.

А небо ясное такое, и в рожок
Несносный Гавриил кому-то дует,
И вышивает за стежком стежок
Моя сиделка. Вышьет - запакует
Ненужные опавшие слова,
В которых я сама себя, а впрочем..

Там где-то глухо ухаёт сова,
След с каждым снегом глубже, но короче,
И дверь с кривых несмазанных петель
Срывается, да кто ж её починет...
Давно издох от голода кобель,
А яблоки душистые в корзине

Обмякли, сморщились, и источают смрад,
И реки горные передушил все август,
Конечно же, никто не виноват,
Мы все своих ошибок только лакмус.

Нудистский пляж

Каждому когда-нибудь придётся
Посетить души нудистский пляж,
И отдать безжалостному солнцу
Весь свой бесполезный фюзеляж.

Вывернуть всю мелочь из карманов,
Даже в швах застрявшую труху.
Кто-то бога вспомнит, кто-то – маму,
Кто расскажет всё, как на духу.

Яркий свет или пустая пропасть —
Разве это важно для того,
У кого в полёте лопнет лопасть
Или в шторм потеряно весло.

Как слепой беспомощный котёнок,
Не на ощупь даже, но гребу.
Дай мне бог хоть капельку силёнок,
Удержаться себя на берегу.

Все будет

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/korneeva_natasha/severnuyy-veter

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)